

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. И. Красиков

История философии традиционно имеет дело с мертвыми. Это, в известном смысле, и оправданно. Во-первых, вклад имярека, в отличие от яркости (харизматичности, эпатажности) его личного воздействия на современников, становится ясен во временной дистанции двух-трех поколений спустя, как утверждает Р. Коллинз. Во-вторых, сколько обид, ревнования и недоброжелательства порождает все подобные расстановки из серии «кто же круче» и «кто же оригинальнее» (научнее, глубокомысленнее и т. п., подставьте по желанию). Существует даже уговор среди некоторой части философских небожителей – не писать (о вкладе и т. п.) при жизни имярека.

Подобное, может быть, и снимает обозначенные трудности, но существенно обедняет и текущую философскую жизнь, и последующую историю философии. В первом смысле она опреснена сциентистским объективизмом (я – не обычный человек со страстями и предрассудками, а некий носитель чистого познания), который даже в истории естествознания не соблюдался, расцветиваясь яростными личностными конфликтами. Во втором, историко-философском, смысле обращаются в дальнейшем для реконструкции среды философа и его психологического портрета к малодостоверным источникам (воспоминания друзей, родственников, мемориальные интервью и пр.), нежели к самим первоисточникам. Но вот показать ныне живущего философа в текущих взаимодействиях и актуальных межпартийных столкновениях, где он сам раскрывается при умелом провоцировании и не связан соображениями гуманистического, политического и прочих «политесов», – это на деле новое слово, по крайней мере, в нашем интеллектуальном пространстве.

В этом ключе, книга «**Кто сегодня делает философию в России. Т. 1.**» (Составитель А. С. Нилогов. – М.: Поколение, 2007. – 576 с.) представляет собой настоящий интеллектуальный бестселлер. Книга беспрецедентна по заряду энергии, живости, проблемности, конфликтности и потенциальной креативности. Это не умствования очередного историка философии, по любому, вольно или невольно, входящему в бессмертную роль Прокруста, это сама живая история современной отечественной философии в ее моментальной фиксации. Слово дано самим современным отечественным мыслителям, и вовсе не статусным людям, бонзам философии. Пусть говорят, что хотят. И они говорят, и, временами, – как хорошо и интересно!

Польза от чтения огромная. Одно дело представлять себе «идеальный мир» предшествующих «философских героев», недоступно-далеких во временной дымке, другое – видеть, слышать, спорить с ныне живущими крайне интересными людьми, способными продуцировать такие идеи, которые составляют тебя жмуриться от интеллектуального удовольствия: «Ах, черт, до чего же хорошо, верно и красиво сказано!»

Здесь важны и не собственно какие-то «идеи», информация, раздвигающая ваш интеллектуальный горизонт – для того есть монографии и статьи. Здесь

важно чувство формирующейся профессиональной сопричастности, становящейся отечественной философской идентичности. Верно, отмечает А. С. Нилогов – это своего рода обсервационная площадка нашей современной философии, причем в буквальном смысле: наиболее интересны в книге не «манифесты» (этого добра мы начитались всласть), а именно неформальные, провокативные интервью, заставляющие многих, волей-неволей, распахнуться и, конечно же, фото имяреков. Потому, зная, что все они наши современники, с которыми мы можем встретиться, запечатлев их разные и интересные лица, мы и создаем «мысленные коалиции» (Р. Коллинз), включая их в свои воображаемые споры и рассуждения. Сравнение, сопоставление, выверка себя со своими современниками, достойными и глубокими философами, формируют важнейшие ментальные условия существования профессионального философского сообщества: представления о значимости и роли философии (мировой и национальной), о значении и смысле существования философа, о феномене философской популярности («эфемеры» и «посмертники» А. Секацкого), об идентификации основных направлений в современной отечественной философии.

Хотя, с одной стороны, книга являет собой некий кадр моментальный философской съемки (и в том ее «объективность»), однако, с другой представляет собой явно авторский проект со своим стилем и идеологией. Ее личностный профиль явственно проступает во многих особенностях книги. Так, видна большая предварительная ознакомительная работа, предваряющая составление вопросов «под имярека». Вопросы сильно диверсифицированы в зависимости и от дисциплинарной позиции интервьюируемого, и от его интеллектуальной биографии, и от его заявляемых взглядов. Общее же то, что они составлены так, чтобы как можно более его раззадорить, заставить полнее и свободнее раскрыться публике. Личностная позиция внутренней свободы обнаруживает себя и в подборке персоналий, не стесненной ни узостью дисциплинарных рамок академической философии, ни подобострастием респекта перед философским официозом. Привлекает и увлекает патристический пафос (защита русского языка и русской философии), мессианский задор (гуманитарный «манхэттенский проект» О. Матвейчева) книги.

Сам составитель говорил мне об известной субъективности подборки имяреков (те, кто привлек симпатии) и ее хаотичности (и философы, и психологи, и культурологи, и филологи, и историки, и др.) Субъективный вкус, однако, оказался в конечном счете хорошим (т. е. «прогрессивным», по крайней мере, нет серости, обскурантизма и догматизма), а известный хаотизм придал крупномасштабность философскому полотну, представив «дисциплинарную» философию в изящной раме окологосударственного окружения, которое делает саму картину более рельефной, фактурной. Междисциплинарный фон, background русской философии многое дает к пониманию ее специфики, роли в современном мире и пр.

Книга дает ориентировки, особо полезные для нестоличных философов, о реальном распределении пространства интеллектуального внимания на столичных подиумах. Так, я думаю, многие откроют для себя новые яркие мыслительные формации А. Ашкерова, Ф. Гиренка, О. Матвейчева, А. Секацкого, В. Савчука, вновь убедятся в основательности интеллектуальных репутаций уже известных мыслителей, которые четче, рельефнее сформулировали свои кредо (Ю. Мамлеев, М. Эпштейн и др.).

Непосредственность и откровенность философского интервьюирования приводит зачастую к неожиданным следствиям в виде обнаружения условности и односторонности наших отечественных «философских легенд». Репутация, созданная «ильенковцами» Д. Дубровского, рухнула в одночасье, и перед нами предстает открытый, креативный, оригинальный мыслитель с широким кругозором. Напротив, интервью А. Зиновьева и А. Пятигорского произвело тягостное впечатление своей натужной скандальностью, голым эпатированием и гулкой пустотой философского содержания. Неприятно поразили приводимые в книге русофобские высказывания М. Мамардашвили (с. 218 – 219), не уместные в устах философа большого интеллектуального калибра.

Обратимся теперь к анализу некоторых характерных групп, которые прорисовываются в массиве из 31 мыслителя современной России, – в поколенном, самокритичном и содержательном измерении.

В книге представлены три поколения отечественных философов. 12 человек – это поколение, родившееся в 20 – 40 гг. XX века. В этой группе меня привлекли фигуры Д. Дубровского (1929), Ю. Мамлеева (1932) и Ф. Гиренка (1948). 13 человек – люди, родившиеся в 50 – 60 гг. XX века, среди которых особо выделяются А. Секацкий (1958), М. Эпштейн (1950) и В. Савчук (1954). Наконец, наименее многочисленная, по вполне понятным причинам, группа философов, порадовавшая родителей и остальное человечество своим рождением в 70 – 80 гг. Из шести человек молодого поколения пока наиболее заметны А. Ашкерова (1975) и О. Матвейчев (1970).

Другие три группы прорисовываются по такому весьма условному критерию, как степень саморефлексивности. Он, безусловно, спорен, т. к., с одной стороны, внутреннее сознание своей правоты и суггестия воздействия на читателей и слушателей незаметно могут трансформироваться в безапелляционность; с другой же, за яркость и оригинальность часто можно принять намеренную скандальность, из серии «шумим, братец». Тем не менее жанр рецензии предусматривает известный субъективизм. Представленных философов я бы подразделил, опять-таки, же на три группы: «производящих» свои идеи; «крепких профессионалов», блестяще владеющих словом и вполне успешных, но не отличающихся свежестью идей; многочисленных «последователей» каких-либо направлений.

«Производящие», в свою очередь, предстают в двух подгруппах: «эпатанты», весьма амбициозные

люди с явно завышенной самооценкой (четверо), и те, кому действительно есть что сказать – спокойно, без картинных поз, страшных закатываний глаз и р-р-революционно-метафизических фраз (типа: «убей Другого в себе!»). В отношении первых как нельзя справедлива характеристика Г. Д. Джемала, определившего этот сорт людей как «очень специфических субъектов в области философии, которые используют философию как трамплин для чисто индивидуалистической самореализации» (с. 228 книги). Восемь человек, вторая группа «производящих», – действительно отличимы печатью оригинальности, их интервью захватывают, а идеи запоминаются.

Группа «крепких профи» (человек восемь) представлена не только философами (специалистами по теории познания либо философской онтологии), но и логиками, историками, психологами, литературоведами и даже тремя литераторами. Вот уж кто-кто, а они философию явно «не делают».

Еще в меньшей мере можно сказать это в отношении наиболее многочисленной группы приверженцев (более десяти), многие из которых жизнь положили на служение (переводы, пропаганду и пр.) кумирам. Здесь, конечно же, самые «прогрессивные», т. е. горячие приверженцы постмодерна, аналитической философии, настолько горячие, что и говорят на той самой «вязи», а горизонт их мысли отформатирован и предсказуем. Но есть и «подорожники» с «подорожницами», и даже, что сообщает книге изрядный «демократизм», – последователи и Н. Федорова, и Генона-Дугина (вкуче с неким историческим манифестом последнего).

Таким образом, из рассмотренных 31 мыслителя, все же философию в России «делают» от силы человек 12, немногим более трети. Подобная ситуация возникла, похоже, из-за явной партийной пристрастности составителей, которая проявлялась и в некоторой назойливости одних и тех же тем и имен. Так, из обилия повторов в вопросах, читатель, вольно или невольно, уясняет:

– что Федор Иванович, хотя и с игривыми ляганиями («на безрыбье современной русской философии и Гиренок философ», с. 503), – центральная фигура отечественной прогрессивной философии;

– что ее эмблемой можно считать «черную кошку», антиязык и уничтожение Другого в себе;

– что мы все присутствуем на рекогносцировке марш-броска отечественной философии на западные рынки, которые будут завоеваны в кратчайшие исторические сроки – особенно если мы «скинем с себя заspanное одеяло, отбросим подушку, набитую совиным пухом (не кошачьим. – В. К.), очистим свое сознание от философского дежавю!» (с. 13).

Как следует из всего сказанного, книга несомненно заслуживает того, чтобы на нее обратили внимание и потратили известную толику времени на знакомство с ней – она провокативна, ярка и занимательна, чем и отлична от многих скучнейших и вымученных монографий.